

ГЛАВА 1

Она стояла на краю дощатого помоста, пыльного и неровного. Внизу плескалось живое море — fazeebi, человеки. Руки и ноги её были скованы — цепями короткими, но толстыми, не разорвать. А на шее был ошейник. И от него ещё одна цепь — к массивному ржавому кольцу, ввинченному в старые доски.

Она стояла, бесстрастно глядя вверх голов. Fazeebi её не волновали. Их не было, они не существовали. Существовали только кланы её народа, Драконоголовых, и суровые боги — часть в небесной вышине, часть в подземных глубинах. Всё.

С лица смыты все знаки её клана, так и не ставшие постоянной, на всю жизнь, татуировкой. У неё нет больше ни семьи, ни родни, ни вождя, ни шамана. Она никто.

И она же — жизнь своего клана.

...Зима выдалась тяжёлой и страшной. Молитвы и камлания не помогали, снега валили, стада разбегались, охваченные странным безумием. Луны ещё не перевалили и через созвездие Зверя, а в клане начался голод.

Именно тогда с юга, по тракту берегом Танцующей реки, что вдоль Тёмной Пущи, поднялись люди-fazeebi. Купцы. Торговцы с большими караванами на сильных, выносливых быках, покрытых густым длинным мехом, — сильнее и выносливее, чем скот кланов.

Они везли с собой много товаров, потому что знали — боги холода разгневались, а значит, вожди будут сговорчивы.

Красное золото, самородное истинное серебро, выносимые подземными реками; абиц, окатанные водой камни, светящиеся в темноте, — всё это имелось у Драконоголовых, добываемое на дальнем севере, за горами, у провала Пасти Бездны и на чёрных склонах возле Рога Огненного Зверя, но их, увы, нельзя было есть.

В мешках, бутылках и коробах на бычьих спинах — мука, масло, солонина, вяленая рыба, овощи в кислом вине. Но цена всего этого высока, и далеко не всегда у кланов имелось чем расплатиться.

Особенно когда боги зимы гневались на свой народ.

У её клана — бывшего клана — тоже не хватило. Но зато сейчас клан Тёмного Коршуна имеет всё, чтобы дожить до следующей осени.

Цена невелика. Цена — она, Шаарта ар-Шурран ас-Шаккар.

Над ней творили обряд, как над умершей. Мошшог, шаман, дал ей выпить что-то дурно пахнущее, острое; тело перестало повиноваться, дух отделился от плоти, она видела себя со стороны, лежащей в деревянной колоде; видела, как с неё смывают знаки Тёмного Коршуна; как стоят в молчании над ней отец, мать, боно и доно (бабушка и дедушка со стороны матери), сёстры и братья.

Видела, как круг за кругом нарезает вокруг её домовины шаман Мошшог, как призывает духов облегчить её дорогу к заоблачным пажитям; как родные молча кладут рядом с ней пару изогнутых её сабель, пару кинжалов, лук со стрелами и всё прочее, что должно пригодиться в Стране Вечной Охоты.

А потом шаман вдруг резко что-то выкрикнул, махнул рукой, и она увидела, как четверо сильных мужчин закрывают долблёную домовину специально спиленной до этого крышкой. И её незримый дух, повинувшись слову сильного шамана, нырнул в эту темноту, слился с плотью, замер, перестал быть на время.

...Когда пришла пора вернуться, вокруг уже не было ни гор, ни снегов, ни знакомых лиц её клана. Тёплая равнина, оливковые рощи и сады по обе стороны дороги, белостенные каменные дома под красочерепичными крышами. Она не знала, откуда ей стали ведомы эти слова — ведь раньше она не видела ни таких домов, ни таких крыш.

Мёртвым нет места среди живых. В клане Тёмного Коршуна она умерла. Имя её выбито на столбце железного дерева рядом с могилами старшей родни.

— Нет чести выше, чем отдать жизнь, чтобы жил твой род, — хрипел в ухо шаман, кружа вокруг неё.

У неё нет ни семьи, ни клана, ни народа. Она никто и ничто, пыль на дощатом помосте, ржа на железных кольцах.

Но зато клан получил за неё хорошую цену. Много, много мешков с мукой и солью, и глиняных амфор с оливковым маслом, и кадушек с солониной, и прочего припаса сложено в пещерах Тёмного Коршуна.

Это правильно и справедливо. Так должно быть.

И потому она стояла, глядя поверх голов. На запястьях и щиколотках — кандалы.

— Я не убегу, — сказала она на всеобщем языке купцу — немолодому, дородному и относившемуся к ней, в общем, совсем неплохо. — Таково слово клана.

— Я знаю, — вздохнул тот, словно и впрямь сочувствуя её доле. — Драконоголовые скорее потеряют жизнь, чем честь. Я знаю, девочка. Просто... тут так требуют.

Она не стала спрашивать почему. Клан продал её, чтобы она повиновалась. Это очень малая цена за его жизнь, за жизнь всех остальных. Это справедливо.

Поэтому она не сопротивлялась, когда с неё сорвали одежду. Не сопротивлялась, когда кузнец, в кожаном фартуке на голое тело, заклёпывал на ней железные браслеты. Не сопротивлялась, когда вели на помост.

И не слышала, что кричат в толпу, нахваливая её, как товар, ушлые приказчики-fazeebi. Смотрела туда, где край неба сходиллся с мягкими, волной накатывавшимися на городок холмами; туда, где белели паруса на водной глади, словно ранний снег.

Город назывался красиво — Арморика. К восходу от него синел простор неоглядного моря; к закату шумели густые леса, которые — она услышала — прозывались Сильванией, северной и южной.

Империя Корвус, протянувшаяся на юг и запад, так далеко, что идти, наверное, пришлось бы целый год.

Она знала, что караван должен был миновать рубеж Драконоголовых, вольный городок Нимфоньес, где стоит лагерем имперский легион, VIII Победоносный, затем — торговый град Мессиду, пересечь равнину Гнева, затем — укреплённую имперскую границу, где стоят ещё два легиона, III Неустрашимый и XIV Гневный. А дальше — благословенные, тёплые земли Корвуса...

Вокруг помоста всё гуще толпился народ. Иные выкрикивали свою цену, но купец не торопился — знал, что настоящие покупатели будут позже.

- Страхолюдина!
- Чудовище!
- Монстр!

Она слышала, но не слушала. Что ей, бившейся с железным хирдом в Алом Ущелье, подле врат гномьего града Дим Кулдира, когда воительницы её клана бросились на бородачей сверху, со скал, сломав стену их щитов, — что ей какие-то выкрики?

...А потом и впрямь подоспели серьёзные покупатели.

Подтягивались мало-помалу, задерживались, щурились, разглядывая её. Слуги освобождали им место; никто не спешил. Юркие человечки сновали туда-сюда, шептались о чём-то с торговцем, снова сбегали вниз; Шаарте они напоминали лесных муравьёв, такие же чёрные, неотличимые.

— Хвалить хвалишь, а в деле-то она какова? — крикнул кто-то.

— Дела! Дела! — тотчас подхватили ещё несколько голосов.

Купец нахмурился было, поджал губы, но затем вполголоса отдал какие-то распоряжения приказчику; тот кивнул и умчался. Она равнодушно смотрела, как к помосту пробивается, расталкивая толпу кнотовищем, один из распорядителей — немолодой крепкий мужчина с извилистым шрамом через правую щёку. Верно, из бывших легионеров, ветеран, выслуживший пенсию, но не утративший ещё сил; за ним торопился тот самый приказчик.

Откуда она знает это всё?..

Рассечённая Щека молча повёл её вниз, к огороженному жердями пятачку пыльной земли, куда перетекали те самые «настоящие покупатели» — люди совсем иного толка, чем только что осыпавшие её грязной бранью.

Белые тоги. Сверкающие латы. Яркие плащи: ультрамарин, пурпур, золото, терракота. Блеск драгоценностей и волны благовоний — но чуткое обоняние сразу выхватило из сладкой терпкости бесценных смол запах крови.

Она успела впитаться в песок, но след оставила — в воздухе, на ограде вокруг, повсюду.

Здесь бились жестоко и убивали.

— Дело! Дело! — вопили зеваки.

Их, правда, держали на расстоянии рыночная стража и слуги тех, кто и впрямь явился за ней, Шаартой.

Вдоль изгороди появились с полдюжины стрелков. Темнокожие наёмники из племён сельвы Каамен с ярко-красными, словно наизнанку вывернутыми губами и небольшими крутоизогнутыми луками; глаза орки слегка сузились от омерзения.

...Драконоголовые сталкивались с ними — у Баргаша, когда гномы-находники с наёмным отрядом пробились в самое сердце орочьих земель, к богатым жилам Пасти

Дракона. И она знала, что короткие стрелы отравлены. Достаточно небольшой царапины...

Но она не даст им такой возможности. Она мертва, она продана, чтобы служить — но и для мёртвых честь превыше всего.

Распорядитель жестом велел убрать цепи, стягивавшие кандалы. Втолкнул её внутрь круга, протянул эфесом вперёд саблю — чужую, с потёртой рукоятью — и только тогда проронил:

— Покажи, на что способна.

Они были смелы, люди империи Корвус. Принимали меры предосторожности — но не боялись.

С противоположной стороны, убрав пару жердей, на засыпанную песком арену втокнули двух мужчин с массивными ошейниками, куда тяжелее рабских; у каждого — гладиус и короткий кинжал, почти нож, в глазах — отчаянная решимость. Нетрудно догадаться, кто они — приговорённые к казни, кому уже нечего терять. Им обычно обещают жизнь в обмен на победу...

Сабля вспорхнула с хищным шелестом, привычно крутанулась в руке. Легка. На хиловатых *fazeebi*. Эфес недоутяжелён, нет баланса. Куда хуже её старых клинков, но воин сражается тем оружием, что посылают ему боги. Биться можно. Биться можно, и победит она, потому что она сильнее.

Кровь вскипела, как всегда перед боем. Не важно, кто против, важно, что они — против. Значит, боги сочли, что им слишком тесно под одним небом. Время словно замедлилось, остриё клинка обманчиво-лениво выписывало полукружья, звуки сливались в единый гул. Биться нагой было неудобно, движения теряли точность и стремительность, и она усилием воли заставила себя сосредоточиться на другом. Тяжесть оружия, песок под ногами, впитавший совсем недавно пролитую кровь, перемешанный с острыми камушками, и две тёмные фигуры, обходившие её с разных

сторон. Противники кружили по арене, не вступая в схватку, и из-за ограды слышались нетерпеливые выкрики. Наконец один из приговорённых бросился в атаку — молча, отчаянно. Меч целился ей в горло, а кинжал — в бок.

Очень, очень глупая атака.

Сабля свистнула — гладиус со звоном отлетел в сторону, кинжал упал в пыль из умело вывернутой руки, и на него обильно закапала кровь. Раненый закричал, упал на колени, схватившись за рассечённое запястье — из-под пальцев толчками выбивались карминные струйки. Из толпы слышались свист, возгласы, одобрительные вперемешку с возмущёнными.

А она уже оборачивалась ко второму противнику — вовремя. Этот оказался хитрее, выждал момент, ударил в спину — бесчестно, зато надёжно. Драконоголовые никогда не поступали так, даже с самыми лютыми врагами, даже с позором их племени — Огненноглазыми, по недосмотру богов живущими по соседству. Драконоголовые не били в спину — но это не значит, что они не были готовы встретить такой удар.

Орка круто развернулась навстречу, изогнувшись — словно падала в объятия врагу. Удар гладиуса пришёлся мимо, замах кинжала запоздал, зато сабля легко вошла в открывшийся живот — снизу вверх под грудинную кость, пробивая сердце.

Он даже не понял, что умер.

— Satis!¹ — повелительно крикнул кто-то из-за колоды, и Шаарта послушно остановилась.

Она сама протянула саблю распорядителю; низко склонив голову, вернулась на помост. Простонародье перед ним уже разогнало, освободив место для уважаемых покупателей, каковых — отметила орка — оказалось не так уж и много.

¹ Довольно! (лат.)

Но зато каких!.. Ланиста в белой тоге с хлыстом. Пара молодых людей, донельзя изнеженных на вид, прибывших в одном паланкине, обнимавшихся и жеманно при этом хихикавших. Двое бородатых гномов в роскошных золотых поясах, закрывавших весь живот. Полноватая женщина под плотной вуалью, сопровождаемая четвёркой до зубов вооружённых слуг — откуда-то с юга, судя по оливковой коже.

Начинался истинный торг.

Купец выкрикнул цену. Ей, стоявшей на помосте, слова торговца ничего не говорили, и она осталась бесстрастной, глядя поверх голов — на цветастые пологи над прилавками, на множество тачек, тележек, телег и возов. На разложенные там невиданные товары, о каких Драконоголовые никогда и ничего не слышали.

Она стояла, не стесняясь собственной наготы, своей смуглой, словно старая бронза, кожи. В её племени девушки сами выбирали себе суженых — мужчины слишком заняты охотой и войной, чтобы тратить время ещё и на это.

Но здесь не было мужчин. И здесь некого было стесняться.

Она видела, что покупатели начинают горячиться.

— *Quingenti*¹ — выкрикнул грузный ланиста, для верности взмахнув хлыстом.

Она не ведала, откуда всё это знает. Когда и как ей могло открыться, что «ланиста» означает содержателя школы гладиаторов? И что такое вообще «школа», и кто такие «гладиаторы»?

— *Sescenti*² — немедля подняла цену женщина под вуалью.

— *Sescenti quinquaginta*³ — хором выдали молодые люди, обнявшись.

¹ Пятьсот! (*лат.*)

² Шестьсот! (*лат.*)

³ Шестьсот пятьдесят! (*лат.*)

Бородатые гномы дружно ухмыльнулись, весьма недобро поглядев на парочку.

— Septingenti¹.

Ланиста крикнул.

— Septingenti viginti² и ни сестерция больше!

Молодые люди разом надули губки.

— Septingentas quadraginta³.

Женщина под вуалью подняла палец, требуя времени.

— Octingenti!⁴ — дружно рявкнули гномы.

Ланиста присвистнул.

— Да на кой она вам, эта орка?!

Бородачи ухмыльнулись, торжествующе глядя на остальных.

Юнцы состроили гримаски, разочарованно вздыхая.

Женщина с вуалью наконец опустила руку.

— Nongenti⁵, и большего тебе, Друзус Консентиус, никто не предложит!

Купец по имени Друзус Консентиус выжидательно уставился на остальных участников торга.

Однако ланиста уже уходил, раздосадованно маша хлыстом; молодые люди, обиженно фыркая, помогали один другому забраться обратно в паланкин — рабы готовы были поднять его на плечи.

Двое гномов уставились на женщину под вуалью так, словно она только что увела у них из-под носа особо крупный самородок.

— Nongenti decem⁶, — проскрипел наконец один из них.

— Mille⁷, — сказал вдруг ещё один голос откуда-то сбоку.

¹ Семьсот (*лат.*).

² Семьсот двадцать (*лат.*).

³ Семьсот сорок (*лат.*).

⁴ Восемьсот! (*лат.*)

⁵ Девятьсот (*лат.*).

⁶ Девятьсот десять (*лат.*).

⁷ Тысяча (*лат.*).

И гномы, и женщина разом повернулись.

Там стояли четверо. Плечистый мужчина, крепко сбитый, с наголо бритым черепом, на котором, изгибаясь, свились вытатуированные драконы. Женщина, покрытая, словно плащом, густым потоком медово-золотых волос, доходившим до самых пят. Ещё один мужчина — без особых примет, стройный, среднего роста, завернувшийся в богатый белый плащ с золотой оторочкой; и наконец, последний, четвёртый член этой странной компании — средних лет, худощавый, слегка горбоносый, загорелый, в одежде, что напоминала одеяния самих Драконоголовых в летнюю пору: порты до колен да рубаха, перепоясанная по-гномьему, широким поясом со множеством карманов, карманчиков и привешенных сумок-зепей.

«Mille» произнёс именно он.

Бритоголовый ухмыльнулся и хлопнул сказавшего по плечу. Неприметный слегка улыбнулся, как бы в некотором удивлении. Женщина осталась бесстрашной.

Та, кого при жизни звали Шаартой, взгляделась в них.

Сила. Бездна силы. Неизмеримая, неоглядная. Страх и ужас — подобное свойственно богам, но не смертным.

Драконоголовые умеют смотреть сквозь. Умеют видеть. Поэтому их шаманы никогда не ошибаются и знают, кому жить — а кому нет.

— Mille, — повторил горбоносый. — Почтенный Друзус, как я понимаю, больше предложений нет?

Гномы буравили его злобными взглядами; пудовые кулаки стиснуты на рукоятях секир, но здесь рынок, здесь не проливают кровь. Женщина застыла, не поднимая вуали, но звавшаяся Шаартой знала — она вперилась в странную четвёрку и точно так же пытается понять, что они такое.

Неприметный сделал жест, словно говоря — мол, наше дело кончено. Ещё раз хлопнул горбоносого по плечу.

— Скъёльд, Соллей, идём. Наш друг, полагаю, будет в хорошей компании.

— Продано! — отчего-то голос купца Друзуса Консентиуса звучал отнюдь не радостно, хотя торговец выручил за безымянную аж целую mille (ясно, что много). — Продано доминусу... как прикажете звать, *civis*?¹

— Публий Каэсенниус Маррон, — спокойно ответил горбоносый. — Орден Ворона, первая степень, *ego tibi*².

— Благодарствую, доминус. Эй, Хостус! Впиши, значит, что рекомая рабыня продана достопочтенному гражданину Публию Каэссениусу Маррону, и волен он отныне в жизни её и смерти, по собственному усмотрению, в каковое никто вступать не должен, кроме только лишь ущерба *bonum publicam*, сиречь благу общественному!.. Куда велите покупку доставить, досточтимый?..

— Никуда. Я заберу её сейчас. И верните ей одежду, равно как и вещи. *Varbari*, как известно, снабжают её подобных всем необходимым. Не задерживайтесь, любезнейший, Орден Ворона ждать не любит.

В нём тоже была сила, думала она, глядя на короткие, седые на висках волосы. Но не так много, как в той троице, о которой ей даже думать страшно. Хоть она уже и мертва.

...Одежду ей принесли и вещи вернули, все, до последних мелочей. Публий Маррон стоял, отвернувшись, пока она одевалась, и Шаарта удивилась про себя — он волен в жизни её и смерти, она обязана исполнить любое его желание, так чего же отворачиваться? Может, он находит её отвратительной, монстром, как кричали из толпы?

Впрочем, он — хозяин и поступает как хочет. Орка оделась, подпоясалась всеми ремнями, протянула было руку к оружию — сабли и кинжалы, всё, как оставил клан, — и тут же отдёрнула.

Она теперь не сама по себе, она теперь вещь, принадлежащая этому странному человеку; надо ожидать его приказа.

¹ Гражданин (*лат.*).

² К вашим услугам (*лат.*).